

Герц, Н. Парадокс одиночества. Глобальное исследование нарастающей разобщённости человечества и её последствий

Пер. с англ. А. Питизина. М.: Эксмо, 2024. — 320 с.

Норина Герц — британский социолог, экономист и публичный интеллект-лектуал. Её книга «Парадокс одиночества» (2021; рус. пер. 2024) представляет собой характерный пример того, что принято называть публичной социологией. Это не академическая монография в строгом смысле и не учебник, но и не популярная психология. Герц работает в промежуточном жанре: она берет масштабную социальную проблему, собирает вокруг неё разнородные данные и предлагает интерпретацию, ориентированную на широкий круг читателей — от специалистов до управленцев и журналистов.

Герц делает акцент не на разработке новой теории, а на синтезе уже существующих знаний и их переводе в язык, пригодный для общественного обсуждения. Книга состоит из 11 глав, в которых последовательно рассматриваются разные аспекты одиночества: от его определения как социального феномена до его связи с устройством городов, трансформацией труда, цифровыми технологиями и последствиями пандемии COVID-19. Важное место занимает анализ последствий одиночества — для здоровья, экономики и политической жизни. Хотя Герц редко эксплицирует свою теоретическую позицию, её аргументация очевидно опирается на классические социологические идеи. Прежде всего это концепция «слабых связей», разработанная Марком Грановеттером. Именно повседневные, поверхностные контакты — разговоры с соседями, продавцами, случайными знакомыми — обеспечивают циркуляцию информации и поддерживают социальную ткань. В книге также просматривается и более классическая проблематика аномии, связанная с работами Эмиля Дюркгейма. Ослабление социальных связей ведёт не только к индивидуальному неблагополучию, но и к дестабилизации общества в целом. Главный тезис Герц формулирует предельно ясно: одиночество — это не столько психологическое состояние, сколько структурный эффект современного образа жизни. Общество теряет не «глубокие» связи (семью, дружбу), а именно повседневные формы взаимодействия, которые и обеспечивают чувство включённости.

Герц не проводит собственного масштабного эмпирического исследования; её вклад заключается в систематизации уже существующих данных. Она опирается на лонгитюдные исследования здоровья (включая известные многолетние наблюдения), статистику страховых компаний, урбанистические данные, биомедицинские исследования влияния одиночества на организм.

Такой междисциплинарный синтез можно считать сильной стороной книги. Герц выступает как медиатор между дисциплинами: она соединяет социологию, экономику, эпидемиологию и нейробиологию в единую объяснительную рамку. Однако у этого подхода есть и ограничения. Отсутствие собственной эмпирики делает аргументацию зависимой от качества и интерпретации вторичных источников. Кроме того, в ряде случаев остаётся не до конца ясным, что является причиной, а что следствием — одиночество или, например, ухудшение здоровья и снижение доверия. Главное достоинство книги — это способность превратить разрозненные данные в убедительную и понятную картину. Герц демонстрирует, что одиночество — это не частная проблема «уязвимых» групп, а системный риск. Она последовательно указывает на связь одиночества с ухудшением физического здоровья, его влияние на экономику через нагрузку на системы здравоохранения и снижение продуктивности, политические последствия (снижение доверия, рост восприимчивости к конспирологическим теориям, ослабление гражданского участия). Так одиночество перестаёт быть психологической категорией и становится категорией социально-политической.

Отдельно стоит отметить язык книги. Герц удаётся редкое равновесие: она пишет просто, но не упрощённо. Сложные идеи объясняются через примеры и истории, что делает текст доступным без потери содержания. Это особенно важно для публичной социологии, где задача состоит не только в анализе, но и в коммуникации.

При всех достоинствах, книга оставляет ряд вопросов, которые для профессионального читателя выглядят как существенные пробелы в знании. Герц склонна представлять одиночество как универсальную проблему. Однако эмпирически очевидно, что оно имеет выраженное социальное измерение. Одиночество в условиях экономической уязвимости и одиночество в условиях перегруженности работой — это разные феномены. Классовая, возрастная и гендерная структура одиночества в книге обозначена, но не проанализирована. Это ослабляет практическую значимость предлагаемых решений, поскольку они оказываются слишком универсальными. Также Герц убедительно показывает роль гиг-экономики, коммерциализации пространства и цифровизации в разрушении социальных связей. Однако она избегает прямой критики экономической системы как таковой.

В результате возникает ощущение, что структурные причины описываются, но не доводятся до логического вывода. Это типичное ограничение публичной социологии, ориентированной на широкую аудиторию, но для академического читателя такая осторожность может выглядеть как аналитическая слабость. Более того, Книга практически не проблематизирует культурную и институциональную специфику. Между тем формы одиночества и механизмы его воспроизводства существенно различаются в разных обществах.

Для российского и постсоветского контекста книга представляет особый интерес, но требует осторожного переноса. С одной стороны, многие описанные процессы — цифровизация, изменение структуры труда, сокращение публичных пространств — действительно наблюдаются и здесь. С другой стороны, существуют важные отличия: исторически более слабые горизонтальные связи, высокий уровень институционального недоверия, специфическая роль «полупубличных» пространств (двор, подъезд, дача). В этом смысле одиночество в России может быть не столько результатом утраты связей, сколько следствием их исторической нестабильности. Это требует отдельного анализа, который в книге отсутствует, но может быть инициирован её концептуальной рамкой.

Одной из особенностей книги является её практическая направленность. Герц предлагает конкретные меры: развитие общественных пространств, изменение школьной среды, внедрение «социальных рецептов», поддержка локальных сообществ. Эти предложения выглядят разумными и реалистичными на локальном уровне. Однако на макроуровне возникает вопрос их эффективности. В книге практически не обсуждается возможность того, что структурные тенденции (цифровизация, индивидуализация, рыночная логика) могут нивелировать эти усилия.

Оптимизм Герц — одновременно сильная и слабая сторона книги. Он делает её убедительной для широкой аудитории, но оставляет ощущение недосказанности для профессионального читателя. «Парадокс одиночества» — это не теоретический прорыв, а качественная и важная работа по систематизации знаний. Она не заменяет классические исследования, но делает их доступными и актуальными для современного обсуждения. Главное достижение книги заключается в переопределении одиночества как общественной проблемы. Герц показывает, что это не отклонение, а структурный эффект современного общества. В этом смысле книга выполняет важную функцию: она возвращает в публичное пространство тему социальных связей как ключевого ресурса общества. С академической точки зрения книгу можно оценить как полезную, но ограниченную по глубине работу. Она сильна в постановке проблемы и синтезе данных, но менее убедительна в теоретическом и критическом анализе. Главный вопрос, который остается после прочтения, и который книга лишь намечает: является ли одиночество временной проблемой, поддающейся корректировке, или фундаментальной характеристикой современного общества? Ответ на него выходит за пределы книги — но именно в этом и состоит её интеллектуальная ценность.

В. И. Бесхмельница

Для цитирования: Бесхмельница, В. И. [Рец.] Герц, Н. Парадокс одиночества. Глобальное исследование нарастающей разобщённости человечества и её последствий. Пер. с англ. А. Питизина. М.: Эксмо, 2024 // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 206–209.